

КРИСТОФЕР ПРИСТ

**Лотерея
Архипелаг Грез
Островитяне**

КРИСТОФЕР ПРИСТ

Архипелаг Грез

fanzon

Москва

2017

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44
П77

Christopher Priest
THE DREAM ARCHIPELAGO
Copyright © 1999 by Christopher Priest

Школа перевода В. Баканова

Разработка серии В. Половцева, А Саукова
Иллюстрации на обложке и форзаце В. Половцева

Прист, Кристофер.

П77 Архипелаг Грез : [перевод с английского] / Кристофер Прист. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 416 с. — (Большая фантастика).

Солдаты, на чью долю выпали тяготы войны, мечтают лишь об одном: избежать ее. И пролетая над нейтральной зоной — Архипелагом Грез, они мечтают, как закончится война, и не будет больше врага, и можно будет пуститься в плавание с одного острова на другой, греясь на солнышке и пробуя экзотическую пищу, и предаваясь любви под ритмичный плеск волн...

Впервые на русском языке!

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-699-94074-5

© М. Казанская, М. Клеветенко, М. Павлова,
перевод на русский язык, 2017
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

Как и все мечтатели, я путаю
разочарование с истиной.

Жан-Поль Сартр

Высоко-высоко, над морями и островами, в синем небе, где воздух разрежен и не пригоден для дыхания, однако достаточно плотен, чтоб удержать в себе железную птицу, порой начинает казаться, что ты постиг самую суть времени.

Но то лишь иллюзия — время постичь невозможно. Столь призрачное понимание посещает почти всех, кто когда-нибудь там пролетал, — чувство, что тебе одному открылось неведомое, истинная природа «временной спирали». Не стоит верить этому самообману. Она не поддается человеческому осмыслению. Все, что тебе доступно, — войти в нее, использовать ее, покинуть ее.

Ты сидишь в герметичной хвостовой турели реактивного транспортного средства и несешь дозор на случай вражеских ракет или истребителей. Позади незримо простирается махина фюзеляжа, и равномерная тяга движков не дает ощутить дикой скорости; ты обгоняешь звук реактивного выхлопа, и мерещится, будто самолет гудит еле слышно. В такие мгновения начинает казаться, что вокруг — бесконечная даль, и не видно ей ни конца ни края. В ослепительном свете полуденного солнца все обретает резкие очертания: земля и берега, и море, и острова, и облака,

что плывут медленно вниз. Какое-то странное ощущение охватывает тебя в высоте, отрешенность от всего сущего. Перестаешь воспринимать себя в небе лишь гостем и сливаешься с ним, и веришь, что целый мир принадлежит только тебе: стоит лишь захотеть, и ты приземлишься в какой-нибудь точке планеты, став полноправным ее обладателем.

Когда смотришь на мир с такой высоты, понимаешь, что суши на свете не так уж и много. На экваторе в основном видишь небо да море, и только порой в ослепительной пене прибоя замечаешь какие-то темные пятючки. Экваториальные острова. Предполагается, что на крупных островах вполне можно приземлиться в случае крайней нужды. Правда, нужда эта не возникает — таковы свойства «спирали», она бережет тебя от всякого рода несчастий. Еще никто не слыхал, чтоб самолет разбился, перемещаясь в коридоре времени. Конечно, крушения все-таки происходят — при взлете или посадке. Бывает, что и ракета настигает самолет — на входе и выходе из «спирали». Находясь внутри, ты совершенно от них защищен: ракеты тоже туда иногда залетают, но они не способны догнать свою цель вне реального времени.

А острова манили, острова соблазняли. Клочки суши, где царил воцеленный нейтралитет. Ведь по большому счету солдаты, на чью долю выпали тяготы войны, мечтали лишь об одном: избежать ее. Тот факт, что в мире существует нейтральная зона, напрасно смущал умы молодых и в большинстве своем

изрядно напуганных парней, которым довелось уже сходить в бой. Пролетая над островами и глядя на них сверху вниз, им оставалось лишь мечтать о том, как закончится война и не будет больше врага, и можно будет пуститься в плавание с одного острова на другой, греясь на солнышке и пробуя экзотическую пищу, и предаваясь любви под ритмичный плеск волн. А по правде, куда бы ты ни направлялся, тебя по-любому встречала война. На другой стороне Срединного моря, когда ты долетал до главного южного континента, нейтральная зона заканчивалась, и ты вновь становился солдатом. И начинались все те же союзы, альянсы и блоки...

Возвращаясь на базу, ты опять пересекал дремлющие в полуденном зное нейтральные острова и приземлялся уже на своей стороне, чуть посевнее и похолоднее.

И вот ты себе летишь и летишь, а безмолвный пилот в передней кабине делает свое пилотское дело, сообразует самолет с потоками и ветрами, корректирует ежесекундную потерю высоты, подстраивается под курс пролетающих в небе объектов. И, вновь оказавшись над Архипелагом, ты становишься на время пленником непреходящего полдня и волен погружаться в мечты.

А поблизости от тебя — хочешь вверх посмотри, хочешь вниз — плывут другие воздушные суда, парят твои попутчики по «спирали времени». За всеми тянутся следы конденсата, и темная синева небес расчерчена меловыми линиями точно грифельная доска. Линии эти сходятся в центре, что образован из мно-

гих слоев. Все часы в центре вихря показывают одно и то же время: как правило, экваториальный полдень или, реже, — полночь. Именно там, в самой середине, смыкаются следы самолетов, парящих друг над другом наподобие стопки бумажных листов. Если тебе повезло попасть на самый верх, то и вихрь откроется перед тобой во всей своей красе. Самолеты летают всегда по прямой, используя поворотное ускорение, которое, вкуче с потоком времени, закручивает белую нить конденсата в некую золотую середину. Все линии в небесах сходятся в центральной точке, названной «глазом времени»; при взгляде сверху та похожа на вихрь белых лент, спиралевидную туманность или дымчатые облака на краях урагана.

Если же окажешься где-то посередине, а то и внизу многоэтажного ряда воздушных судов, то не оценишь всей прелести белой спирали. Тогда задержи голову кверху и взгляни сквозь тонированный купол, покрытый пуленепробиваемым стеклом: ты увидишь пролетающее над тобой судно, чья траектория немного не совпадает с твоей. Самолет словно висит в небе почти недвижимо и заслоняет тебя от застывшего солнца. А выше — другая железная птица, что летит собственном курсом. А еще выше — другой самолет, и еще, и еще... до высот, где воздух так разрежен, что даже мощному транспортнику туда не подняться на раскидистых крыльях.

А если взглянуть вниз, на землю, то тоже увидишь самолеты; иные парят так низко, что едва не касаются кромки воды.

И подо всем этим есть некое место на земной поверхности — чаще всего в самом море, но бывает, что и на островах, оседавших экватор, — которое на мгновение, в астрономический полдень или полночь, попадает в самый центр «временной спирали».

В небе всегда начинало казаться, что тебя осенила разгадка — все вдруг становилось ясно как белый день! — и будто бы время сдалось, отступило. И если воздушное судно входило в «спираль» и зависало там, то пилоту оставалось одно: двигаться заданным направлением; чтобы вырваться из нее, достаточно было лишь отклониться от курса. По факту же, попадая в «спираль», ты видел ее с нового ракурса, наблюдал во всем величии. Сверху ли, снизу — без разницы. Загадка оставалась загадкой.

Из-за «временной спирали» все точки земли существовали в едином моменте времени, в едином дне, в едином сезоне. Вихрь распространял по поверхности мира невидимую погрешность, меняя всеобщее восприятие времени.

Где бы ты ни стоял, наблюдая закат, в другой, самой дальней части планеты тот же самый закат наблюдали другие — к северу от тебя и к югу, к востоку и западу — все, кому было не лень взглянуть в предвечерние небеса. И когда в одной части мира наступало утро, во всех остальных частях было то же самое время суток. Ни часовых поясов, ни линии перемены дат; летишь на запад или восток — ты не теряешь времени, не нагоняешь часов; перелеты на реактивных движках не вызывают сбоя дневного

ритма. Семнадцать минут второго тут, здесь и там — везде те же самые семнадцать минут.

День сменяется ночью, лето следует за весной, и где бы ты ни находился — та же самая ночь, то же самое лето. Но главное даже не в этом: никто до поры ни о чем таком и не подозревал. Да и с какой стати кому-то задумываться и сравнивать стрелки часов? Особенно если не знаешь, что происходит в другой части света.

Шли века. Наступила современная эпоха, эра путешествий. Человек стал летать, рассекая небо на реактивных самолетах, и впервые задел алчущими крыльями кромку «спирали». Ты летишь и видишь, что внизу ничего не меняется, летишь дальше, потом опять опускаешь взгляд — как будто ты не сдвинулся с места. Чудеса! Но стоит спикировать вниз, вдруг оказываешься в замешательстве — тебя обмануло чувство времени и пространства, потому что земля под тобой вдруг приходит в движение и мчится с огромной скоростью туда, куда ты и не мечтал долететь, превышая мыслимые пределы скорости, которые способен выжать из себя самолет. И опять, приземлившись, оказываешься совсем не там, где планировал быть, и выясняется, что за два-три часа полета ты пересек чуть не полмира.

Много людей полегло, и много разбилось судов в тщетных попытках добраться до сути таинственного явления. В конце концов попытки эти оставили, удовольствовавшись тем, что «спираль» поддается измерениям и математическим расчетам, а значит,

в ней можно прокладывать маршруты и добираться из одной части света в другую. Ты выходил из конкретного пункта и, поднявшись до точки экваториального полдня, вливался в ряды других самолетов на нужной тебе высоте и летел там какое-то время, прочерчивая небеса белой линией конденсата. Ориентируясь по ландшафту и сверяясь с приборами, ожидая момента, который, по твоим расчетам, подведет тебя как можно ближе к точке назначения. Тогда ты сбрасывал скорость и, развернув судно носом к земле, начинал снижение поперек градусов времени.

И если ты не ошибся в расчетах, то оказывался в предельной близости к искомому месту, совершив двенадцатичасовой перелет за тридцать минут, шестичасовой — за двадцать, а суточный — за два часа. Полеты стали привычным делом, и для того, чтобы попавшая в зависимость от них экономика существовала без потрясений, они должны были осуществляться регулярно, а значит, в экваториальной зоне необходимо поддерживать нейтралитет. В любой момент парящая сверху махина с могучими крыльями и продолговатыми цилиндрами движков, что отбрасывала тень на тебя своим провисающим брюхом, могла оказаться вражеским самолетом, равно как и летающим судном союзников.

И так ты летишь и летишь, не беспокоясь о прочих, с единственной заботой — поспевать за движением солнца. Ты смотришь вниз, а под крылом — знакомые очертания: и клочья суши, и переменчивые краски моря, где рассекают его течения, отмели